

ЗА ОДНОГО БИТОВА

Более битого писателя на сегодняшний день, вероятно, нет. Я говорю тут не о его собственных (и довольно многочисленных) пьяных и трезвых столкновениях с собратями по перу: этот интеллект, любимец европейских университетов, обладает великолепной способностью влипать в такие ситуации, оказываясь участником побоищ, отнюдь не только критических. Дело, однако, не в них, а в том, с каким упорством и изобретательностью Битов ругают. За эссеизм вместо прозы, за то, что главным его жанром в последнее время стали предисловия к сомнительным, часто несовершенным псевдоавангардным сочинениям

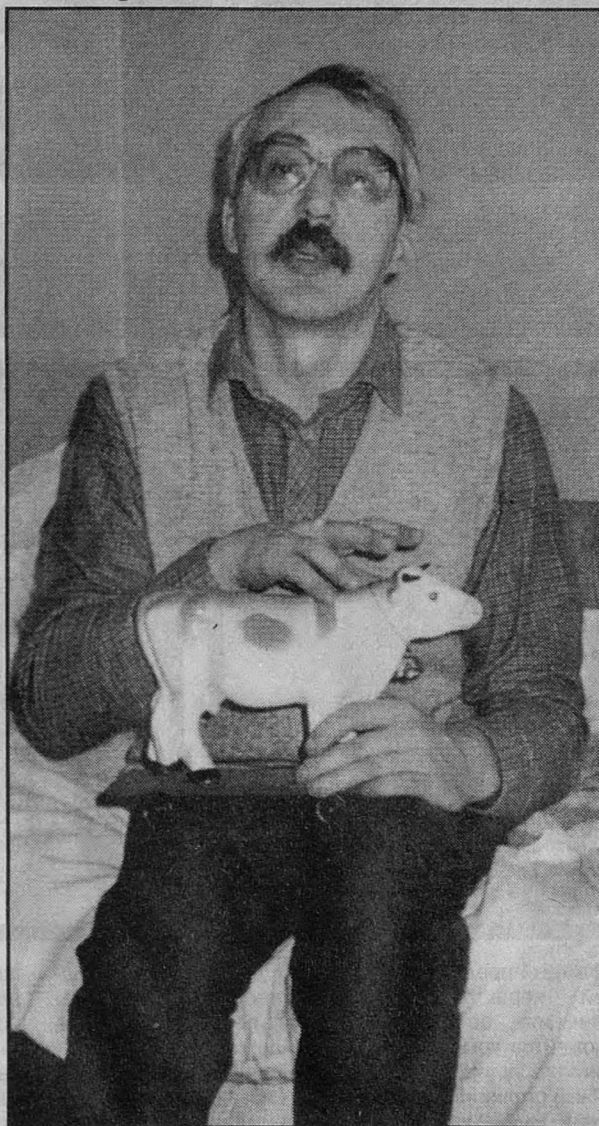
Веч. Кудот. - 2002. - 30 мар. - с. 26

Дмитрий БЫКОВ

Я сам не большой любитель прозы Битова, скажу честно. Он не принадлежит к числу писателей, которых я постоянно перечитываю. Он не затрагивает тайных струн моей души. Но некоторые мои тайные мысли он знает хорошо, а главное – додумывает до конца; он близок мне не душевно, а интеллектуально, и это, думаю, могло бы повторить подавляющее большинство его читателей. Он вообще не лирик. Жизнь души у его героев подменена, как мне кажется, жизнью ума – потому, вероятно, что главным и неизменным состоянием души является тревога. Это та самая (раньше написали бы – экзистенциальная) тревога вечного чужака, ощущающего себя дыркой в монолитном мире; это неверие в возможность разрешить конечные вопросы; это неуютное самоощущение имперского человека (а по масштабу своих задач, по серьезности отношения к миру Битов безусловно имперец), который чувствует, как трещит и шатается его империя.

И потому, не любя эту прозу, я с нею резонирую; больше того, я часто ею восхищаюсь. Я думаю, лучшее из написанного Битовым, – не «Пушкинский дом», книга хоть и умная, но довольно литературная, – а «Улетающий Монахов», с его дотошной точностью, с абсолютной подлинностью всех коллизий. Лева Одоевцев тащит на себе слишком большую нагрузку – он становится чуть ли не символом своей эпохи и своей прослойки; Монахов – не научный генерал, он так себе человек, и мне проще с ним. Любовь его к Асе, мучительная советская любовь, вся состоящая из тайных комплексов и бытовых неудобств, – мне слишком понятна. Этот «роман-пунктир», цикл повестей и рассказов, удивительных по глубине и нелюбви, заставляет иногда заподозрить в Битове чуть ли не цинизм – так мало тут иллюзий и так мелки выходы в этой прозе современных горожане с их мечтами и страхами; но раз они так мелки и автор умеет нам это внушить – стало быть, есть у него великий и вечный идеал. И присутствие этого идеала у Битова очень ощутимо – отсюда и постоянные стоны его героев, вечно занятых не тем. Надо с дочерью идти в зоопарк или писать халтуру, а между тем душа тянется к некое-

(в последней склонности – подписывать в литературу кого ни попадя – упрекнул его недавно один известный критик; не забудем, однако, что Битов помог опубликовать «Одлян» Габышева, а впоследствии ввел в литературу чуть ли не всех нынешних сорокалетних). Еще Битова ругают за неизменную заушность, за то, что он левой пяткой правое ухо чешет, слова не скажет в простоте, косит под умного, – один его ровесник сказал гениально: «Мне уже на пятой странице каждого сочинения Битова хочется закричать: ты умный, Андрей, ты умный, я тебе верю, дальше можно по-человечески!».

му Главному Делу, которое вслух никак не определишь. Все герои Битова, как и автор, провалились в какую-то щель, их тащит и засасывает пучина, – но все отвлечения от процесса этого засасывания вызывают у них дикое раздражение: не мешайте мне гибнуть! Я не должен ходить в магазины, зоопарки, на работу, – я проваливаюсь!

Куда именно проваливаются автор и его герои, не так-то просто сформулировать. Живет нормальный такой советский писатель, вполне преуспевающий, числящийся в перспективных молодых, но вдруг в нем поселяется смутная тревога, ошущивая уже в «Аптекарском острове»; и она все растет. Не срабатывают ни советские, ни церковные, ни литературные утешения. Растет пустота, дырка (та самая блоковская «роковая пустота»). В нее и проваливается герой, в прошлом – очень хороший советский человек. Даже попытка обрести почву в родной культуре приводит к пересмеиванию и снижению этой самой культуры; хватаешься за Пушкина – и вдруг видишь, что он одержим тем же самым

отчаянием... Вот это ощущение пустоты, в которую попадает «задумавшийся» человек, – передано у Битова очень точно; иное дело, что музыкальная прелесть мира, его осмысленность, гармония, плоть – не битовская тема, и только иногда, в «Книге путешествий» – по Армении, по Прибалтике, – возникает счастливое чувство полноты бытия, в противовес обычной его пустоте. Но это не от прекрасности той или иной местности, а скорее вследствие перемен мест...

Сам Битов мне рассказывал однажды интересную историю: есть в Петербурге писатель Рид Грачев, давно страдающий от неизлечимой душевной болезни. Писатель очень хороший, тоже тревожный. Автор книги «Ничей брат», и в самом деле он такой ничей брат – воплощенное литературное и человеческое одиночество. Так вот, с Грачевым Битова многое связывало – почти одновременно родились, одновременно начали печататься, даже и девушки в этом кругу у всех были одни и те же... И вот однажды Битов, всегда ощущавший с Грачевым подобие мистической связи,

уже в Москве спускался по эскалаторе в метро – и вдруг почувствовал наплыв такой тоски и отчаяния, что чуть не завыл в голос. В этот же миг в голове его вдруг четко прозвучали слова: «Без Бога жизнь бессмысленна». И в ту же секунду он понял, что спасся.

А на следующий день ему позвонили из Ленинграда и сказали, что у Грачева случился приступ безумия, очень сильный, после которого он так и не пришел в себя. И случилось это в метро, где он начал биться головой о колонны. В том же отчаянии, которое накрыло Битова.

Весь наш мир, в некотором смысле, – метро, подземелье. Некоторые начинают биться головой о колонны, некоторые догадываются о выходе. Но не надо думать, что вера так уж сразу и успокаивает. У нас слишком много успокоившихся верующих. Вера – это ведь иногда и еще большая тревога; мысль о присутствии Бога в мире (или хотя бы предположение о возможности такого присутствия) – это не только надежда, но еще и сильнейшее беспокойство.

Вот таким беспокойством и проникнуты книги Битова; конечно, оно светлее, чем обычный обывательский страх перед обстоятельствами или интеллигентский страх перед будущим. Конечно, оно выше. Но переносится оно ничуть не легче. Утешение одно – только так «проваливающийся Монахов» может превратиться в «улетающего».

Битову исполнилось шестьдесят пять лет. За те сорок пять, что он занимается писанием стихов и прозы, он сочинил целую литературу – отдельное и новое направление, которое можно было бы называть интеллектуальным, или метафизическим, или позднесоветским реализмом. Его герой вовремя перестал тяготиться бытием и стал тяготиться бытием. Читать эту литературу не очень приятно и не всем нужно, однако только она объясняет, что тут произошло во второй половине двадцатого века и куда предположительно пойдет дальше.

А потому, поздравляя Андрея Георгиевича, я от души надеюсь, что он напишет как минимум еще столько же. Потому что писатель – инструмент времени, пытающегося познать себя, и без него мы так никогда и не разберемся, почему нам так беспокойно. ■